

УДК 930.2:003.74(0.032)+316.772.4+94(47).043“1180/1227”

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЯМИ В «ХРОНИКЕ ЛИВОНИИ»

канд. ист. наук, доц. Ю.Н. КЕЖА

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

e-mail: j.kezha@psu.by

В статье анализируются случаи политической коммуникаций между правителями, зафиксированные в латинском источнике начала XIII в., известном как «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского (лат. *Heinrici Cronicon Lyvoniae*). На основании изучения контактов между основными действующими лицами, фигурирующими в «Хронике», основное внимание обращено на титулатуру правителей, а также формы, способы, ожидаемые результаты и итоги политической коммуникации между ними. Анализ титулатуры, используемый в «Хронике Ливонии» показывает, что автор, одинаково часто употребляет европейский королевский титул «король» («rex», «rege») к христианским правителям Западной и Восточной Европы. Данное обстоятельство подчёркивает высокий статус древнерусских князей как равноправных участников политического диалога.

При рассмотрении контактов между правителями можно условно выделить два вида политической коммуникаций: между древнерусскими князьями и крестоносцами, а также между древнерусскими князьями и вождями прибалтийских племенных объединений. В сообщениях, где упоминаются контакты между крестоносцами и древнерусским князьями, основными целями и результатами политического диалога являются заключение мирных соглашений и предотвращение нападений, договоры о вступлении некоторых князей в вассальную зависимость от рижского епископа, а также перераспределение сфер влияния. При анализе сообщений о коммуникациях между вождями прибалтийских племенных объединений и древнерусскими князьями в качестве основных целей контактов выступают: заключение мира и военного союза; совместные военные действия против немецких колонистов; просьба о военной защите против крестоносцев. Центральным эпизодом большинства случаев контактов между правителями является вручение даров заинтересованной стороной. Таким образом, рассмотрение контактов, соглашений и договоров между основными политическими фигурами «Хроники Ливонии» даёт возможность исследовать средневековое восприятие образа правителя в коммуникативном аспекте.

Ключевые слова: «Хроника Ливонии», князья Рюриковичи, немецкие епископы, крестоносцы, ливы, литовцы, эсты.

Введение. Категория политической власти представляет одну из ключевых основ любого сообщества. В раскрытии её образов проявляются представления современников об окружающем мире и его структуре. При изучении средневековой потестарной имагологии¹, на первый план выступает коммуникативный аспект, направленный на исследование форм и способов коммуникации, между субъектами властных отношений [10]. При раскрытии подобного рода контактов, которые осуществляются, как правило, символическими средствами, подтверждается или оспаривается существующий порядок, проявляются ожидания или опасения различных категорий населения: от правящей элиты до подвластного большинства [3].

При рассмотрении образов правителей, наше внимание будет направлено, в первую очередь, на способы и формы ведения политического диалога и заключения соглашений между правителями, так как средневековая власть существовала в первую очередь в коммуникативном поле. Её носитель должен был вести себя в соответствии со своим статусом, подкреплённым особыми ритуалами [1, с. 29].

Источником нашего исследования является «Хроника Ливонии» – манускрипт, написанный латинским священником Генрихом в первой трети XIII в.² Информация, содержащаяся в «Хронике Ливонии», подробно описывает процесс распространения латинского христианства и немецкой колонизации Прибалтийских земель в конце XII – начале XIII в. Помимо описания важнейших событий носящих уникальных характер, сообщения «Хроники» содержат информацию об отношениях между древнерусскими князьями, немецкими колонистами и балтийскими объединениями. В этой информации, передаваемой через титулатуру, описания столкновений, встреч и соглашений между правителями, проявляется восприятие латинским книжником статуса основных действующих лиц, фигурирующих в «Хронике»: князей Рюриковичей, немецких епископов и крестоносцев, западноевропейских монархов, вождей прибалтийских племён.

Титулатура правителей. Для понимания контактов между правителями особое значение имеет титулатура. К светским правителям, которые фигурируют в «Хронике», Генрих применяет титулы «король» («rex», «rege»), «старейшина» («senior»), «князь» («princeps»), «вождь» («dux»). К правителям Священной Римской Империи Оттону IV и Фридриху II употребляется титул «император» («imperatoris»).

¹ В русскоязычной историографии данное понятие одним из первых ввёл в научный оборот М.А. Бойцов. Под потестарной имагологией понимается направление исторических исследований, предметом которого является изучение образов власти [5, с. 5–37].

² «Хроника Ливонии» цитируется по русскому переводу С.А. Аннинского: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / редкол.: С.А. Аннинский [и др.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 608 с.

Термин «король» («rex», «rege») применяется как к западноевропейским монархам, так и древнерусским князьям. Королями Генрих называет полоцкого правителя Владимира, правителя Герцике Всеволода, правителя Кукенойса Вячко, новгородского князя Мстислава Мстиславича Удатного, его брата – Владимира Мстиславича псковского, киевского князя Мстислава Романовича. Также, данный титул используется по отношению к галицкому, смоленскому и владими́ро-суздальскому князьям³. Титул «великий король» Генрих употребляет к новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу («rex magnus Nogardie Mystislawe»), полоцкому князю Владимиру («regi magno Woldemago») и киевскому князю Мстиславу Романовичу («magnus Mistoslawe de Kywa»).

Из прибалтийских правителей титул «король» единственный раз применяется к ливскому вождю Каупо⁴. В отличие от остальных правителей прибалтийских объединений, титулы которых в «Хронике» передаются как «старейшина(ны)» («senior», «seniors»), князь («princeps», «principe») или вождь («dux»), Каупо назван «королём или старейшиной ливов» («rex et senior Livonum») [6, с. 85]. Применение к Каупо титула «король» можно объяснить его лояльностью к немецким колонистам и приверженностью к христианству. Из всех племенных правителей Ливонии Каупо был единственным, кто был принят главой латинской церкви в Риме⁵.

Титул «князь» («dux») Генрих применяет в отношении славянского правителя Вацлава, который принимал участие в войне с эстами на стороне датского короля⁶. Таким же латинским титулом он обозначает саксонского герцога Альберта («dux Saxonie Albertus») [6, с. 203].

Помимо титулатуры, которая играет важную роль при освящении образов правителей, не менее важное значение имеет ряд символических действий, сопровождающий коммуникацию между ними.

Контакты между древнерусскими князьями и немецкими епископами. В самом начале немецкой колонизации бассейна Нижней Двины (1184 г.) латинский миссионер Мейнард получает согласие у полоцкого князя Владимира на распространение христианства среди прибалтийского племени ливов: *«Так вот получил позволение, а вместе и дары от короля полоцкого, Владимира, которому ливы, еще язычники, платили дань, названный священник смело приступил к божьему делу, начал проповедовать ливам и строить церковь в деревне Икесколе»* [6, с. 71]. Показательным выглядит акт вручения даров Мейнарду от полоцкого князя, что объясняется заинтересованностью Владимира в деятельности латинских миссионеров, которые, по всей видимости, рассматривались полоцким князем в качестве потенциальных вассалов, способных наладить инфраструктуру, постоянное присутствие и фискальный сбор с местного прибалтийского населения.

В 1206 г. Генрих сообщает о посольстве от рижского епископа Альберта в Полоцк: *«В начале восьмого года господин епископ, желая снискать дружбу и расположение Владимира, короля полоцкого, какие тот проявлял к его предшественнику, епископу Мейнарду, послал ему через аббата Теодериха боевого коня с вооружением, но по дороге литовцы-разбойники ограбили аббата. И он и спутники его потеряли все, что у них было, но сами остались здоровы и невредимы и прибыли к королю»* [6, с. 94]. Непосредственным началом политического диалога должны были стать престижные дары – «боевой конь с вооружением», которые так и не удалось доставить по назначению. Главная цель отправки посольства и даров – обезопасить рижские владения от нападения полоцкого войска, и, вероятно, заручиться поддержкой полоцкого князя против ливов, что по всей видимости, не имело успеха, так как полоцкий князь в этот период выступал в военных походах на стороне последних, оказывая им покровительство, как своим данникам [9, с. 120].

В 1210 г. происходят переговоры между полоцким князем и посланцами рижского епископа⁷. Результатом переговоров стало заключение мира между Полоцком и Ригой с сохранением ливской дани за Полоцком. Вероятно, территория Нижнего Подвинья в этот период ещё рассматривалась как территория, подконтрольная Полоцку. Колонизации прибалтийских земель крестоносцами и миссионерская деятельность рижского епископа

³ Практически во всех средневековых латинских источниках князья домонгольской Руси именовались «rex», что свидетельствует о восприятии латинскими книжниками Рюриковичей как правителей, не уступающих по объёмам власти и статусу западноевропейским монархам [11, с. 200, 208].

⁴ *«После того, как брат Теодорих, отправляясь в Тевтонию с пилигримами, в тот год воевавшими в Ливонии, как божьи крестоносцы, взял с собой одного лива из Торейды по имени Каупо, бывшего как бы королём или старейшиной ливов»* (Тут и далее выделено мной – Ю.К.) [6, с. 85].

⁵ *«Папа принял его весьма милостиво, поцеловал, много спрашивал о положении народов, живущих по Ливонии, и усердно благодарил бога за обращение ливонского народа. По истечении нескольких дней достопочтенный папа Иннокентий вручил упомянутому Каупо в подарок сто золотых, и когда тот пожелал вернуться в Тевтонию, простился с ним чрезвычайно ласково, благословил его, а епископу ливонскому через брата Теодериха послал библию, писанную рукой святого Григория пать»* [6, с. 85].

⁶ *«Поднялся в то время и король датский с большим войском, и пришли с ним достопочтенный архиепископ лундской церкви Андрей, епископ Николай и третий епископ, королевский канцлер, а также эстонский епископ Теодерих, ранее посвященный в Риге и оставивший ливонскую церковь, чтобы примкнуть к королю, и, наконец, Виццлав, князь славов, со своими»* [6, с. 195–196].

⁷ *«Арнольд, брат-рыцарь, послан был с товарищами к королю полоцкому узнать, не согласится ли он на мир и не откроет ли рижским купцам доступ в свои владения. Тот принял их с выражением благоволения и, высказав (правда, из хитрости) радость по поводу мира и успокоения, послал с ними Лудольфа, разумного и богатого человека из Смоленска, чтобы, по прибытии в Ригу, обсудить дела мира и справедливости. Когда они прибыли в Ригу и изложили желание короля, рижане согласились, и тогда в первый раз был заключен вечный мир между ними и королем, с тем однако, чтобы королю ежегодно платилась должная дань ливами или за них епископом. И рады были все, что теперь безопаснее могут воевать с эстами и другими языческими племенами. Так и оказалось»* [6, с. 136].

формально происходит во «владениях полоцкого короля». Проявлением политического диалога является «обмен посольствами» двух правителей и договорённость о «вечном мире». Спустя два года вновь состоялись переговоры между Владимиром Полоцким и Альбертом. Причина переговоров – обсуждение ливской дани. Встреча происходит у замка Герцике, который к 1212 г. являлся приграничной территорией между Полоцким княжеством и владениями рижского епископа. Альберт отправляется на встречу с Владимиром Полоцким с большим представительством: *«Епископ, взяв с собой своих людей и короля Владимира (бывшего псковского князя Владимира Мстиславича – Ю.К.), с братьями-рыцарями и старейшинами ливов и лэттов, отправился навстречу королю. С ним шли и купцы на своих кораблях»* [6, с. 152]. В свите Альберта находились вожди ливов и лэттов, что было призвано показать власть епископа над данными прибалтийскими племенами. Согласно средневековым представлениям, появление на переговорах сеньора в окружении слуг, которые могли занимать значительное место в социальной иерархии, придавала высокое социальное значение господину, было дополнительной возможностью убедительно продемонстрировать свою власть [2, с. 217]. Присутствием вождей ливов в свите Альберта демонстрируется вассальная зависимость бывших данников полоцкого князя от рижского епископа, что было призвано подкрепить отказ Владимиру Полоцкому в возвращении ливской дани.

Ещё одним русским князем, который одним из первых в 1205 г. пошёл на соглашение с рижским епископом Альбертом был правитель Куkenойса Вячко⁸. Среди русских городов Нижнего Подвинья замок (castrum) Куkenойс вместе с замком Герцике, где правил князь Всеволод неоднократно упоминается в контексте политических событий и войн на территории Ливонии. По мнению белорусских исследователей, создание и развитие Куkenойса и Герцике являлось проявлением княжеской колонизации земель в низовьях Западной Двины [13, с. 62], а князя Вячко и Всеволод до активной экспансии крестоносцев в Прибалтике находились в вассальной зависимости от Полоцка [7, с. 227]. Также в белорусской историографии прочно утвердилось мнение, что борьба этих городов-замков была проявлением общего сопротивления экспансии крестоносцев. Главным центром данного сопротивления выступал Полоцк под властью князя Владимира – верховного сюзерена подвинских городов [7, с. 227; 8, с. 228–229, 9, с. 123]. Однако даже самый поверхностный анализ сообщения о первых контактах князя Вячко с епископом Альбертом позволяет оспорить данный вывод. В сообщении 1205 г. князь Куkenойса выступает как независимый от Владимира правитель, который добровольно принимает решение о вступлении в вассальную зависимость от рижского епископа: *«После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир»* [6, с. 93]. Интересующими нас символическими действиями, подчёркивающими заключение соглашения, являются рукопожатия и взаимные приветствия, что вероятно, предусматривало произнесение неких этикетных формул. В 1206 г. Вячко отдаёт Альберту половину своих владений и становится вассалом епископа в надежде обезопасить свои владения от нападения литовцев. С целью подкрепления договорённости о предоставлении защиты, Альберт вручает Вячко дары и князь Куkenойса возвращается в свой город⁹.

В следующий раз дары от епископа Альберта Вячко получает в 1208 г. Одаривание правителя Куkenойса осуществляется с целью примирения его с рыцарем Даниилом из Левенвардена. В ходе конфликта с Даниилом Вячко был изгнан из своих владений. В результате переговоров, инициированных епископом Альбертом, прежние владения были Вячко возвращены. Итогом приглашения епископа и вручения даров стало примирение двух вассалов Альберта и обеспечение преданности Вячко епископу, которая, впрочем, продлилась не долго¹⁰.

В 1209 г. в зависимость от рижского епископа попадает правитель Герцике Всеволод. Этому предшествовало столкновение и осада крестоносцами Герцике, в результате чего Всеволод бежал из крепости, а сам город был разграблен войском крестоносцев. Супруга Всеволода, которая Генрихом названа «королевой» («regina»), была захвачена и представлена епископу. Всеволод приезжает в Ригу и соглашается на условия мира: *«Явившись, тот просил простить его проступки, называя епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству и умолял забыть прошлое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных»* [6, с. 127]. Всеволод обязался прекратить контакты с языческими племенами Ливонии. Отдельно оговаривалось, что правитель Герцике не будет «вместе с литовцами разорять земли русских христиан» [6, с. 127]. После данного Всеволодом обязательства ему было возвращено его владение: *«Передав свое королевство той же церкви, он получил его вновь из рук епископа через торжественное вручение трех знамен, признал епископа отцом и утверждал, что впредь будет открывать ему все злые замыслы русских и литовцев»* [6, с. 127].

⁸ *«Когда король Вячко из Куkenойса услышал, что пришли латинские пилигримы и поселились по соседству всего в трех милях от него, с тевтонами он, добыв через гонца пропуск от епископа, отправился к нему на корабле вниз по реке. После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир, который, впрочем, недолго продолжался. По заключении мира, простившись со всеми, он радостно возвратился к себе»* [6, с. 92–93].

⁹ *«Когда король Куkenойса Вячко услышал о прибытии епископа и пилигримов, он вместе со своими людьми, вышел им навстречу и по прибытии в Ригу был принят всеми с почетом. Проведя в самой дружественной обстановке в доме епископа много дней, он наконец попросил епископа помочь ему против нападений литовцев, предлагая за это половину своей земли и своего замка. Это было принято, епископ почтил короля многими дарами, обещал ему помощь людьми и оружием, и король с радостью вернулся домой»* [6, с. 107–108].

¹⁰ *«Епископ вместе со всеми своими был очень огорчен и не одобрил сделанного, велел вернуть короля в его замок и возвратить ему все имущество, затем, пригласив короля к себе, с почетом принял его, подарил ему коней и много пар драгоценной одежды; во время праздника пасхи самым ласковым образом угощал его и всех его людей и, усыпив всякую вражду между ним и Даниилом, с радостью отпустил его домой»* [6, с. 114].

По своим символическим действиям, данная церемония напоминает присягу, которую произносит вассал своему сюзеру вступая под его покровительство. Также в действиях, которые описаны Генрихом, можно увидеть символическое проявление смирения светского правителя перед церковным иерархом, которое неоднократно имело место в истории средневековья [14, с. 173–188]. Три знамени, про которые говорит Генрих, в данном случае символизируют власть над Герцике и его округой («королевством Всеволода»). Показательно выглядят символические действия: сначала Всеволод передаёт «своё королевство церкви», а затем получает его обратно из рук епископа в виде «трёх знамён».

Одним из условий вассальной зависимости Всеволода от рижского епископа было посещение князем своего сюзерена. Отказ от посещения епископа стал одной из причин похода на Герцике и разорения замка крестоносцами: *«Между тем рыцари из Куkenойса, Мейнард, Иоанн, Нападение Иордан и другие обвиняли короля Герцике Всеволода в том, что он уже много лет не является к отцу своему епископу, после того как получил от него свое королевство, а в то же время постоянно помогает литовцам и советом и делом»* [6, с. 164].

Анализируя контакты и символические действия, которые велись князьями Куkenойса и Герцике с рижским епископом, можно заключить, что Вячко и Всеволод до вступления в зависимость от Альберта выступали как самостоятельные правители, заинтересованные в сохранении своей власти. Наибольшую активность на начальном этапе контактов с крестоносцами проявил Вячко, выказав в 1205 г. желание в заключении соглашения с епископом. В 1209 г. в покровительство к Альберту после военного поражения от рижан вступает Всеволод. О самостоятельности Всеволода до этого времени свидетельствует упоминание, что он вместе с литовцами разорял «русские земли», и, следовательно, не зависел от соседнего Полоцка. В самом начале XIII в. во время походов Владимира Полоцкого на Икскюль (1203) и Ригу (1206) Вячко и Всеволод проигнорировали военные мероприятия полоцкого князя и не могли находиться в вассальной зависимости от него [4, с. 11]. Как независимые правители Вячко и Всеволод проявляют себя и после разрыва соглашений с Ригой. В 1208 г. Вячко приказывает уничтожить немецкий гарнизон Куkenойса, после чего отправляет посольство к полоцкому князю Владимиру с целью заключения союза против рижан: *«После этого тот же король (Вячко – Ю.К.) послал великому королю Владимиру лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное, а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу, где, сообщал он, осталось мало народу, причем лучшие убиты им, а прочие ушли с епископом»* [6, с. 115]. При дипломатическом контакте Вячко с полоцким князем основой коммуникации между правителями являются дары. Вячко преподносит полоцкому князю «лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное», тем самым демонстрируя захваченные тевтонские трофеи и удостоверяя его в слабости ливонских сил. Итогом этих событий стал поджог войском Вячко замка Куkenойс и его уход к новгородцам. В дальнейшем он получает в управление крепость Юрьев (Дерпт), где правит до своей гибели в 1224 г.

В «Хронике Ливонии» зафиксированы случаи контактов между князем Владимиром Мстиславичем и епископом Альбертом. Согласно «Хронике», в 1211 г. Владимир Мстиславич был изгнан из Пскова и, после недолгих скитаний, нашёл прибежище у рижского епископа. До своего ухода из Пскова между Владимиром и Альбертом был заключён матримониальный союз – дочь Владимира была выдана замуж за Теодориха – младшего брата епископа Альберта. Таким образом, рижский епископ рассматривался Владимиром как важный, и, возможно, на тот момент единственный союзник. Под 1212 г. Генрих сообщает о торжественной встрече Альберта в Риге, в которой принимал участие Владимир Мстиславич: *«Настал от воплощения господня 1212 год, епископства же четырнадцатый, и вновь церковь ливонская радовалась прибытию епископа с пилигримами. Все вышли навстречу ему, вместе с королем Владимиром, и приняли его, вознося хвалы богу. И дал епископ благословение королю и щедро одарил его всем, что привез из Тевтонии, и велел в знак уважения снабжать его всем вдоволь»* [6, с. 151]. Несмотря на то, что Владимир Мстиславич был лишён псковского княжения и не обладал фактической властью на землях Руси, Генрих называет его «королём» («*rege Woldemarо*») наряду с другими древнерусскими князьями, которые фигурируют в «Хронике». Епископ принимает покровительство над бывшим псковским князем, о чём может свидетельствовать его благословение и дары, которые он вручает Владимиру. Помимо этого, Альберт брал Владимира на содержание («*велел в знак уважения снабжать его всем вдоволь*»), что также ставило князя в зависимость от епископа. Позже Владимир получил от Альберта должность судьи в области Идумея, которую он занимал в период отсутствия своего зятя Теодориха [6, с. 160].

Контакты между древнерусскими князьями и прибалтийскими вождями. В процессе немецкой и датской колонизации земель Ливонии экспансия крестоносцев и их попытки христианизации местного населения вызывали ответное сопротивление. В ряде случаев для борьбы с крестоносцами местные вожди обращались за военной помощью к древнерусским князьям. В «Хронике Ливонии» под 1213 г. зафиксировано обращение литовского правителя Даугерутэ к новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу: *«В это время Даугерутэ, отец жены короля Всеволода (правителя Герцике – Ю.К.), с большими дарами отправился к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз»* [6, с. 161]. Как и в большинстве сообщений о контактах между правителями, одной из ключевых форм начала политического диалога является вручение даров. Определённую роль в данном случае играют матримониальные связи Даугерутэ с князем Герцике Всеволодом, который приходился зятем литовского вождя, и, несмотря на клятвы в верности рижскому епископу, оказывал помощь литовцам в набегах на ливонские земли [6, с. 164].

В 1217 г. старейшины эстов вручают дары древнерусским князьям с целью осуществления совместного похода на Ливонию¹¹. Основным адресатом даров был приглашённый новгородцами из Смоленска Святослав

¹¹ *«После того как он (епископ Альберт – Ю.К.) прибыл в Ригу, эсты отправили русским много даров, прося прийти с войском, чтобы разрушить ливонскую церковь. Но великий король Новгородца Мстислав в то время был в походе против короля Венгрии,*

Мстиславич, сын киевского князя Мстислава Романовича [12, с. 102]. Ответными действиями новгородского князя на дары была отправка посольства к эстам с обещанием в короткие сроки собрать войско и выступить на помощь. Новгородский князь назначил время сбора войска на р. Пале 6 сентября, однако новгородское войско к эстам так и не пришло. Битва с крестоносцами при Вильянди 21 сентября 1217 г. закончилась разгромом эстов и гибелью их вождя Лембита [6, с. 186].

Невыполнение Святославом обещания объясняется тем, что князь, который недавно занял новгородский стол, до конца не понимал особенность политической системы Новгорода, когда приоритет в принятии политических решений находился у горожан [12, с. 103]. Однако показательно, что при дипломатической коммуникации с посольством эстов, Святослав после принятия даров даёт согласие на военную помощь, что объясняется заинтересованностью князя в совместном военном мероприятии против крестоносцев Ливонии.

В 1223 г. русским князьям вручаются дары от старейшин из эстонской области Саккалы. Как и в предыдущем случае, основная цель вручения даров – организация масштабного военного похода в Ливонию: «*Между тем старейшины из Саккалы посланы были в Руссию с деньгами и многими дарами попытаться, не удастся ли призвать королей русских на помощь против тевтонов и всех латинян. И послал король суздальский своего брата, а с ним много войска в помощь новгородцам; и шли с ним новгородцы и король псковский со своими горожанами, а было всего в войске около двадцати тысяч человек*» [6, с. 231]. Конкретные адресаты посольства эстонских старейшин Генрихом не указаны. На призыв старейшин Саккалы откликнулся владими́ро-суздальский князь Юрий Всеволодович, который отправил своего брата Ярослава на помощь новгородцам, а также псковский князь Владимир Мстиславич.

Князь Ярослав Всеволодович вступил в Унгавию под Дерпт (Юрьев). Жители крепости прислали князю дары, прося о помощи против ливонских рыцарей: «*Пришли они в Унгавию под Дорпат и прислали им жители Дорпата большие дары, передали в руки короля братьев-рыцарей и тевтонов, которых держали в плену, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против латинян. И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгавии и во всей Эстонии. И ушел в Одемэ, где поступил также*» [6, с. 232]. Ответными действиями Ярослава на дары от жителей Унгавии было принятие князем покровительства над Дерптом, а также крупным центром угандийских эстов – крепостью Оденпе (Медвежья голова).

Заключение. В соответствии с анализом сообщений «Хроники Ливонии», где упоминаются контакты между различными правителями, было обращено особое внимание на несколько ключевых аспектов: титулатуру правителей; формы, способы и ожидаемые результаты политических контактов между немецкими колонистами и древнерусскими князьями; формы, способы и цели коммуникации между древнерусскими князьями и вождями прибалтийских объединений. Исходя из анализа титулатуры, используемой Генрихом, можно сделать заключение, что хронист одинаково часто употребляет европейский королевский титул к христианским правителям Западной и Восточной Европы. Данное обстоятельство подчёркивает высокий статус древнерусских правителей как равноправных участников политического диалога. Применительно к правителям ступом ниже короля, которыми в «Хрониках» выступают языческие вожди прибалтийских племён, а также христианские аристократы, сражающиеся на стороне немецких и датских пилигримов, Генрих употребляет западноевропейские титулы «*princesps*», «*senior*», «*dux*».

В сообщениях, где упоминаются коммуникации между крестоносцами и древнерусскими князьями, основными целями и результатами контактов являются: 1) заключение мирных соглашений и предотвращение нападения¹²; 2) договоры, предусматривающие вступление некоторых князей в вассальную зависимость от рижского епископа¹³ или сохранение данной зависимости¹⁴; 3) перераспределение сфер влияния.¹⁵ При анализе сообщений о коммуникациях между вождями прибалтийских племенных объединений и древнерусскими князьями, основными целями контактов были: 1) заключение мира и военного союза¹⁶; 2) совместные военные действия против немецких колонистов¹⁷; 3) просьба о военной защите против крестоносцев¹⁸.

Центральным эпизодом большинства случаев контактов между правителями является вручение даров заинтересованной стороной. Преподнесение даров при переговорах производилось в нескольких случаях. Дары могли вручаться при обстоятельствах, когда принимающий подарки признавал зависимость от дарящего. Подобные казусы описаны Генрихом под 1206 г. при вручении даров рижского епископа Альберта князю Кукенойса

готовясь биться за Галицкое королевство, а на престоле своем в Новгороде оставил нового короля. Этот же, отправив послов в Эстонию, обещал притти с большим войском вместе с королем Владимиром и множеством других королей. И обрадовались эсты и послали людей по всей Эстонии и собрали весьма большое и сильное войско и стали у Палы в Саккале. Их князь и старейшина, Лембит, созвал людей из всех областей, и явились к ним и роталицы, и гариионы, и вироныцы, и ревелицы, и гервенцы, и люди из Саккалы. Было их шесть тысяч и ждали все пятнадцать дней в Саккале прибытия русских королей» [6, с. 185].

¹² Посольство рижского епископа в Полоцк 1206 г., переговоры между Владимиром Полоцким и посланцами рижского епископа в 1210 г.

¹³ Договор князя Кукенойса Вячко и епископа Альберта в 1206 г., договор Альберта с князем Герцике Всеволода в 1209 г., соглашение между Альбертом и Владимиром Мстиславичем в 1212 г.

¹⁴ Соглашение Вячко и епископа Альберта в 1208 г.

¹⁵ Переговоры между епископом Альбертом и Владимиром Полоцким в 1212 г.

Отдельно стоит упомянуть про контакты между Владимиром Полоцким и князем Кукенойса Вячко инициированные последним в 1208 г. с целью совместного нападения на Ригу.

¹⁶ Дары литовского правителя Даугерутэ новгородскому князю для заключения мира в 1213 г.

¹⁷ Отправка даров эстами новгородскому князю Святославу Мстиславичу в 1217 г. с целью осуществления совместного похода на Ливонию, дары от старейшин из эстонской области Саккалы русским князьям в 1223 г.

¹⁸ Дары жителей Дерпта (Юрьева) Ярославу Всеволодовичу в 1223 г.

Вячко, под 1208 г., когда Альберт как покровитель Вячко вручает ему дары с целью его примирения с Даниилом из Левенвардена. В 1212 г. Альберт вручает дары бывшему псковскому князю Владимиру Мстиславичу и принимает его под своё покровительство. Вручение даров господином своим вассалам призвано было, с одной стороны, стать залогом их верности, с другой – обозначало зависимость принимающего подарка от дарителя.

Преподнесение даров осуществлялось с целью заключения мирного соглашения или союза, а также получения военной помощи. Подобные случаи встречаются в сообщениях Генриха под 1206 г. при описании посольства рижского епископа к полоцкому князю Владимиру, под 1208 г., когда Вячко отправляет дары Владимиру для осуществления похода на Ригу. В 1213 г. дары новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу вручает литовский вождь Даугерутэ для заключения мира. В 1217 г. дары русским князьям преподносят старейшины эстов с целью осуществления совместного похода в Ливонию. Под 1223 г. сообщается о вручении даров древнерусским князьям старейшинами эстонской области Саккала.

Таким образом, рассмотрение контактов, соглашений и договоров между основными политическими фигурами «Хроники Ливонии», даёт возможность исследовать средневековое восприятие образа правителя в коммуникативном аспекте. В дальнейшем подобного рода исследования могут иметь перспективу в понимании характера политических процессов, особенностей политического символизма и коммуникации в средневековой Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспальчикова, Я. Дары в дипломатической практике Теодориха Великого / Я. Беспальчикова // *Vox medii aevi*. – 2018. – Vol. 1(2). – С. 29–45.
2. Блок, М. Феодальное общество / М. Блок. – М.: Изд. им. Сабашниковых, 2003. – 504 с.
3. Бойцов, М.А. Потестарная имагология Средневековья как область междисциплинарных исследований [Электронный ресурс] / М.А. Бойцов. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/bojcov.htm>. – Дата доступа: 20.11.2021.
4. Бохан, Ю. Полацкае княства і пачатак крыжацкай агрэсіі ў Прыбалтыцы / Ю. Бохан // *ARCHE*. – 2010. – № 10. – С. 8–16.
5. Власть и образ: Очерки потестарной имагологии / Отв. ред. М.А. Бойцов, Ф.Б. Успенский. – СПб.: Алетейя, 2010. – 384 с.
6. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / редкол.: С.А. Аннинский [и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – 608 с.
7. Гісторыя Беларусі : У 6 т. / Рэдкал: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск : “Экаперспектыва”, 2000. – Т. 1 Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с.
8. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацк і новагарод. Перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск : Маст. Літ., 2001. – 366 с.
9. Рьер, Я.А. Правитель и общество на белорусских землях в XIII – первой трети XV в.: основные механизмы политогенеза, легитимизации и сакрализации власти / Я.А. Рьер. – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – 256 с.
10. Санников, С.В. Потестарная имагология и семиотика: «образ власти» как междисциплинарный феномен / С.В. Санников // *Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн.* – 2017. – № 2(36).
11. Федосов, А.В. Королевство Русь. Древняя Русь глазами западных историков. / А.В. Федосов, К. Раффенспергер. – М.: Центрполиграф, 2021. – 254 с.
12. Хрусталёв, Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. / Д.Г. Хрусталёв. – СПб.: Евразия, 2019. – 624 с.
13. Штыхов, Г.В. Киев и города Полоцкой земли / Г.В. Штыхов // *Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв.* – Минск, 1982. – С. 45–80.
14. Althoff, G. Rules and Rituals in Medieval Power Games. A German Perspective. / G. Althoff. – Leiden–Boston : Brill., 2019. – 282 p.

Поступила 30.06.2022

POLITICAL COMMUNICATION BETWEEN RULERS IN THE "LIVONIAN CHRONICLE"

Y. KEZHA

The article analyzes the cases of political communications between the rulers recorded in a Latin source known as the “Livonian Chronicle” by Henry of Latvia (Latin Heinrici Cronicon Lyvonie) at the beginning of the 13th century. Based on the study of contacts between the main characters who appear in the “Chronicle”, the main attention is paid to the titles of the rulers, as well as the forms, methods, expected results and results of political communication between them. The analysis of the titles used in the “Livonian Chronicle” shows that the author equally often uses the European royal title (“rex”, “rege”) regarding the Christian rulers of Western and Eastern Europe. This circumstance emphasizes the high status of the Russian princes as equal participants in the political dialogue.

When considering contacts between rulers, two types of political communications can be conditionally distinguished: between Russian princes and crusaders, as well as between Russian princes and leaders of the Baltic tribal associations. In reports that mention contacts between the crusaders and the Russian princes, the main goals and results of the political dialogue are peace agreements and non-aggression pact, agreements on the entry of some Russian princes into vassal dependence on the Riga bishop, as well as the redistribution of spheres of influence. When analyzing messages about communications between the leaders of the Baltic tribal associations and Russian princes, the main goals of contacts are the peace agreements and military alliances; joint military operations against German colonists; a request for military protection against the crusaders. The central episode of most contacts between rulers is the giving of gifts by the interested party. Thus, consideration of contacts, agreements and treaties between the main political figures of the “Livonian Chronicle” makes it possible to explore the medieval perception of the image of the ruler in a communicative aspect.

Keywords: “Livonian Chronicle”, Rurikovich princes, German bishops, crusaders, Livs, Lithuanians, Estonians.